

В канун Первомай

Сталинград. Перед праздником... Рис. художника П. ОСТРОВСКОГО.

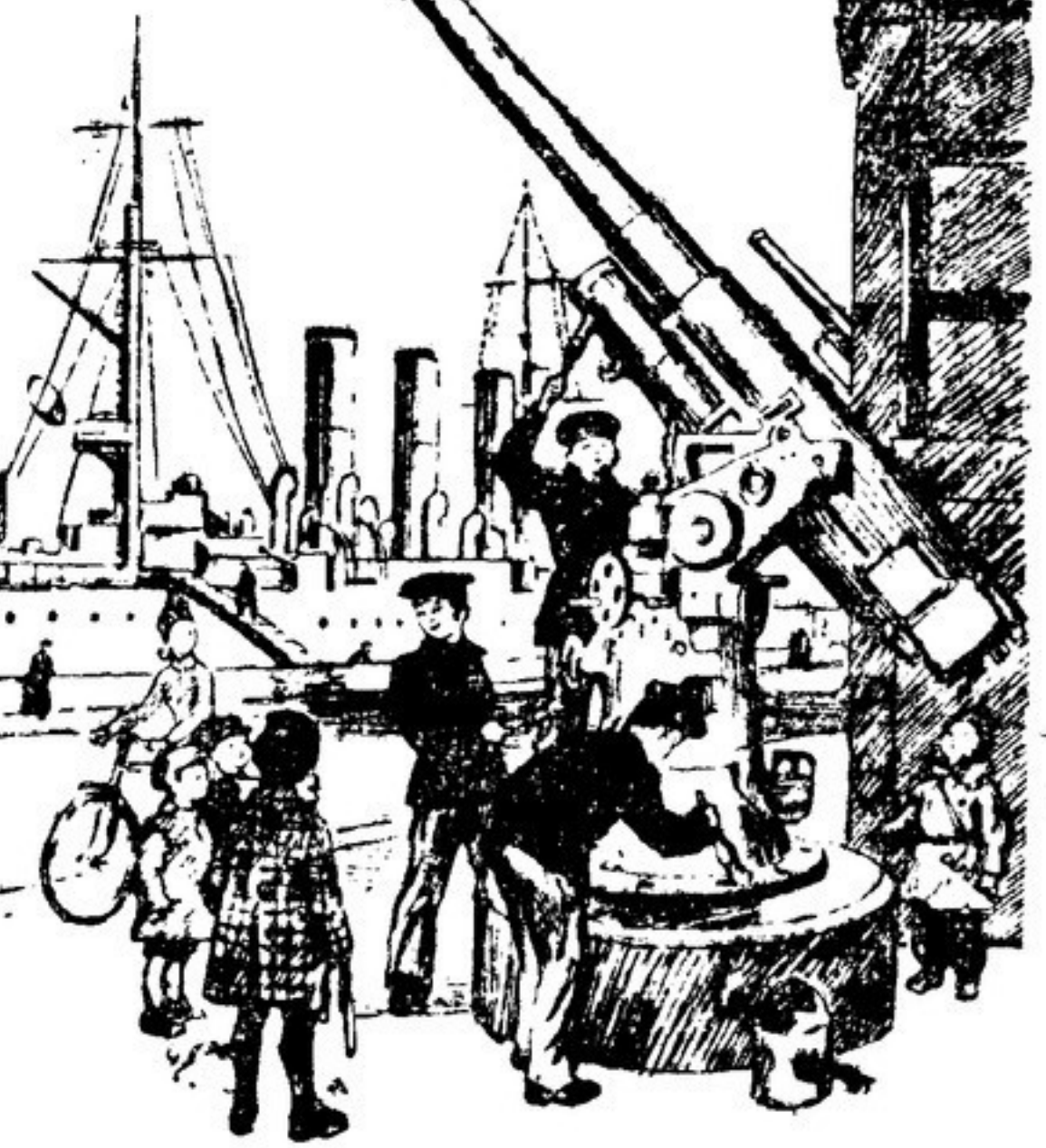
Москва. «Вручить Первого мая» Рис. художника Л. КОТЛЯРОВА.

Москва. В ГУМе Рис. художника Л. КОТЛЯРОВА.

Липецк. С хорошим уловом! Рис. художника В. ВАЛДМАНИСА.

Ленинград. У крейсера «Аврора» Рис. художника И. ХАРКЕВИЧА.

Кулунда. Машин готовы... Рис. художника Д. ДМИТРИЕВА.

С. КУЛИКОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

ЗЁРНА

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» «ЭФИРНОЕ СОЗДАНИЕ»

В одной актюбинской чайной на видном месте висит картина: узкая деревенская дорога ведет в густую рожь, вдали возвышаются над золотыми колосьями кудрявые деревья, а там, где дорога поворачивает, яблони...

Помолчали. А потом Лапочкин спокойно продолжал прерванный разговор: — Ты заметил, Володя, нас здесь никто ни разу гостями не назвал. Это неспроста. Значит, мы не в гостях, а к себе домой приехали. Ты в какую МТС хотел бы поехать? — Все равно, — ответил Володя, — хорошо бы вместе.

Леонид Шамаев, сопровождавший сюда москвичей, рассказал мне: — Вы помните молоденького белокурого паренка Дёму Михайловича? Так вот, он оказался «зайцем». Да нет, не убежал! Он «зайцем», с билетом, правда, но без комсомольской путевки приехал из Москвы. Так торопился, что даже заводской пропуск не успел сдать. Придется пропуск отрезать. А «зайца» уже работает в МТС слесарем.

Под таким заголовком 1 апреля в «Литературной газете» был помещен фельетон о деятельности Всесоюзного научно-исследовательского института эфирно-масличных культур, отравившегося от колхозно-совхозного производства, а о неудовлетворительной работе руководителей этого института.

Сидевший рядом со мной за столом работник московского обкома комсомола Леонид Шамаев, провожавший группу москвичей в Актюбинскую область, тоже внимательно разглядывал эту картину.

Я поехал в Ключевой район, в открывающуюся нисколу трактористов. Вечером в полутемной комнате собрались человек восемь, алмаштинцев и старший мастер школы Григорий Клементьевич Лисенко. Я спросил ребят, почему они решили стать именно трактористами. Виктор Степанов ответил: — Скажу за всех. Мечтали учиться на комбайнерах. Приехали, а тут, говорят, нужны трактористы. Подумали и решили подпродержать мечту: раз надо — будем трактористами.

Мы возвращались в Москву. В Актюбинске, когда билеты уже лежали в карманах, а до отхода поезда оставалось минут сорок, Шамаев прямо с вокзала позвонил в Талдысайскую МТС, чтобы попроситься к бывшим москвичам. К аппарату подошел директор. Он заметил, что сейчас не хотелось бы отрывать ребят от срочной работы, и сам рассказал, чем заняты Лапочкин, Лазарев, Михайлов...

В связи с выступлением «Литературной газеты» «О научно-популярном фильме» начальник управления по производству научно-популярных фильмов Министерства культуры СССР Н. Журавлев сообщил, что со времени опубликования статьи, которая правильно указывала на недостатки в области научно-популярной кинематографии, приняты следующие меры:

Нелегко заснуть на новом месте. А тут еще разные мысли спать не дают. Одни ребята приехали сюда, ясно осмыслив, на что идут. Это те, которые постарше, вроде Виктора Лапочкина, уже отслужившего в армии и называющего себя «человеком шести профессий».

Первые уроки самостоятельной жизни, кому легко даются они! Важно познать себя о молодом человеке, во-первых поддержать, во-вторых остановить его.

И действительно, последующие события подтвердили это. Как сообщили мне уже в Москве, Феликс Сахаров дезертировал из Актюбинской области.

Уважаемый товарищ редактор! Мы обращаемся в газету с этим письмом, чтобы восполнить один существенный пробел. Среди многих бесед и интервью с актерами гостившего у нас театра «Комеди Франсез», опубликованных нашей печатью, одна беседа пока что оставалась неизвестной широкой общественности.

Чувствуется, что в комнате многие слушают этот тихий разговор. Но вот чей-то голос из угла недовольно произносит: — Ты не страши. Мы тоже временно сюда, два-три года, и обратно, вроде как бы по веревке...

На целую неделю приехал настоящий. И приехал надолго, а то и навсегда. Осваивать новые земли молодежь считает своим счастьем, и горюет тот, кого отправляют обратно домой. А здесь и так бывает: отбор строгий — зерно к зернышку! До сих пор я не могу забыть хмурые лица и слезы на глазах двух взрослых парней, которые ждали поезда, чтобы уехать обратно в Алма-Ату: медицинская комиссия забрала их. У одного шалит сердце, другой паховато видит.

Случается и так... Но очень жаль, что такое «несортное зерно» засоряет отборное, предназначенное для великих успехов наше будущее. Очень бережно и очень требовательно надо подходить к подбору людей, перед которыми партия открывает широкие просторы самостоятельной жизни на необжитых землях.

Вечером 3 апреля мы после спектакля ужинали в ресторане Московского дома актера. Часов в одиннадцать вечера в ресторан вошли три иностранца и, попросив разрешения, подошли к нашему столику. Они заявили нам, что они актеры театра «Комеди Франсез» и только утром прилетели из Парижа.

Разговор, услышанный в клубе писателей: — Читали? НН отругал книгу РР... Собеседник откидывается ленивым бархатным рокотанием: — Не ко времени... Анахронизм! Неужели сам НН еще не понимает, что теперь так не пишут. Два года назад — можно было. А теперь нельзя...

И все это произносится с неторопливой, значительной вескостью, которая должна показать, что уж кому-кому, а говорящему в точности известно, как именно «нужно было» писать статьи два года тому назад и как «следует» писать их теперь.

И вот уже заструился обильный поток так называемых «остро критических» писем, которые на самом деле не являются ни острыми, ни критическими.

И прежде всего несовместима с литературным трудом, губительна для него такая кустарная «служба погоды» — примитивная конъюнктурная хитрость, основанная на уловлении неких «повернувшихся ветров».

В пьесах, которые появляются лишь оттого, что они как бы надуты со стороны, — ветром, повернувшимся по вольному автору причине, — истинную остроту заменяет искусственная сенсационность. Вместо критики же слышится лишь визгливый скрип флюгера, поворачивающегося на своих ржавых петлях.

Примером такого рода «метеорологического драматургического» может служить пьеса И. Горюхиной «Деятель...», выпущенная с месяц тому назад Отделом распространения драматургических и эстрадных произведений при Всесоюзном управлении охраны авторских прав.

Мы с удивлением услышали от него, что во Франции никто, оказывается, не видит угрозы со стороны Западной Германии, что Аденаурер считает демократом и другом французов и вообще обожает вермахт и все, что напоминает нацизм.

рицательный. Он и бюрократ, глубоко раб- нодушный к судьям советских людей, и фальшивый человек, и подкайм, лебезящий перед старшим начальством, и, наконец, просто стяжатель и вор.

Живет с Маркеловым 22-летний пасынок, студент, который презирает и мать и отчима, видит, что в доме все неправильно, нехорошо, и оттого с тоской запирается...

Таков стиль нашей советской жизни. И этому стилю глубоко чуждо равнодушие, молкое зубоскальство по поводу отрицательных явлений, еще встречающихся в нашей действительности.

В пьесе И. Горюхиной «Деятель» Маркелов оказывается разоблаченным лишь потому, что в город, где он подвизается, приезжает свежий человек, рекомендованный на должность второго секретаря обкома. Его зовут Стогов, и он настолько же ровен и приязнен, насколько черен и уродлив Маркелов (это также закономерно, ибо палитра «метеоролога» не знает побуждений).

Новые задачи, возникающие перед нашим обществом, всегда вызывают к жизни новые, нужные нам произведения искусства. Радемуся мы им и теперь. Смелая сатира, остро вскрывающая не изжитые у нас недостатки и человеческие пороки, действительно необходима нам. И именно борясь за такую сатиру, помогаю ее появлению, следует оберегать драматургию от произведений мимно-сатирических, от обывательского бржевания, от конъюктурщины, которая не имеет ничего общего с художественной литературой, ибо скрип ржавого флюгера, повернутого порывом ветра, никогда не был истинной музыкой и не может стать ею.

Оказалось совсем наоборот — это американский провокатор играл роль французского артиста!

Мы убеждены, что наше негодование разделяет и наши французские коллеги — замечательные артисты и подлинные патриоты.

А. МАРЬЯМОВ

